

Вэнь Цзысюань продолжала говорить о наставлениях, которые ей давал Пань Фан, но Цинь Цану это было совершенно неинтересно. Он решил вернуться в спальню, чтобы проверить, не проснулся ли Вэнь Цзыцянь. Повернув за угол, он буквально столкнулся с прекрасными голубыми глазами Вэнь Цзыцяня, что заставило его вздрогнуть, а сердце забилося так, будто готово было выпрыгнуть из груди.

— Ох, мамочки мои! — с преувеличенной драматичностью он схватился за сердце.

Вэнь Цзыцянь, подкатив на инвалидном кресле, посмотрел на него снизу вверх и спросил:

— Я что, похож на привидение? Так тебя напугал? Или, может, за моей спиной говорил обо мне что-то плохое?

— Да что ты! — поспешно поднял два пальца вверх, словно давая клятву Цинь Цан.

Вэнь Цзысюань, стоя в углу, сказала:

— Брат, ты проснулся. Еда почти готова, подожди немного.

Вэнь Цзыцянь подкатился к кухне и сказал:

— Плита слишком низкая, тебе неудобно. Давай я сам.

С этими словами он взял в руки лопатку.

— Давай я, — стоя рядом, предложила Вэнь Цзысюань.

— Давай я, — улыбнулся он, взглянув на сестру.

Его лицо излучало спокойствие и умиротворение.

— Брат хочет приготовить для тебя обед.

Цинь Цан вытащил её из кухни, сказав:

— Слушай брата. Давай, помоги мне накрыть на стол.

Расставляя посуду, он посмотрел на спину Вэнь Цзыцяня и с чувством произнёс:

— Мужчина, который умеет готовить, — это самое сексуальное, что может быть.

Вэнь Цзысюань, глядя на его развязный вид и притворно похотливый взгляд, рассмеялась.

Очевидно, её опасения были напрасны. Вэнь Цзыцянь ловко управлялся с едой на сковороде, демонстрируя навыки. Однако она заметила, что её брат стал левшой — он готовил, брал приправы и даже пробовал еду левой рукой. На правой руке он носил странную перчатку, из которой торчали только большой и указательный пальцы. Ладонь и локоть лежали на подлокотнике кресла, время от времени он опирался на них, чтобы выпрямить тело.

Вэнь Цзысюань почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза, но, моргнув, сдержала их.

Вэнь Цзыцянь готовил быстро. Три блюда и суп получились лёгкими, но вкусными.

Впервые за семь лет брат и сестра снова сели за один стол. Хотя они мало говорили, атмосфера

была тёплой и уютной.

Однако оба молчаливо понимали, что между ними лежит не просто Вэнь Цзыи, а непреодолимая пропасть между жизнью и смертью.

Во время ужина Вэнь Цзысюань получила звонок. Поговорив несколько минут, она извинилась:

— Брат, мне нужно уйти. Вы ешьте, не стесняйтесь.

Звонила Пань Цинь. После обеда Вэнь Цзысюань поехала в компанию, где встретила Вэнь Цзыцяня, что вызвало у неё сильное раздражение.

Цинь Цан проводил её, и в доме остался только Вэнь Цзыцянь. Он посмотрел на стол, где ужин только начался, но все блюда едва тронуты. В тарелке оставалась большая часть риса, но аппетита у него не было. Подкатив в спальню, он перебрался на кровать.

Он сел, опершись на изголовье, и включил колонку на тумбочке. Медленная мелодия словно доносилась из далёких небес. Закрыв глаза, он позволил раздражению раствориться в музыке, ища в своих воспоминаниях источник счастья.

Психолог, проводя сеансы, советовал ему:

— Не думай, просто лови моменты счастья, которые всплывают в твоей памяти, — те, что ты не можешь забыть.

Цинь Цан часто спрашивал с любопытством:

— О чём ты думаешь во время медитации?

Вэнь Цзыцянь смотрел на него и улыбался:

— Угадай.

Со временем Цинь Цан перестал спрашивать, понимая, что ответа не получит.

Цинь Цан вошёл в комнату, когда музыка уже затихала. Подойдя к кровати, он сел рядом и начал массировать ноги Вэнь Цзыцяня, глядя на его черты лица, словно выписанные тонкой кистью, сердце его таяло.

Музыка стихла, но Вэнь Цзыцянь оставался полулёжа, не двигаясь. Сеанс медитации прошёл удачно — его напряжённое лицо расслабилось, а уголки губ слегка приподнялись.

— О чём думал, что так обрадовался? — спросил Цинь Цан, хотя знал, что ответа не получит.

Вэнь Цзыцянь открыл глаза и ответил невпопад:

— Ты вернулся. Спасибо за труды.

Цинь Цан на этот раз явно не хотел оставлять тему и продолжал допытываться:

— Ну расскажи, о чём ты думал?

Вэнь Цзыцянь, опершись, сел прямо, улыбнулся, расстегнул пуговицы и снял пиджак, бросив его на стул.

— Нечего тут любопытствовать. Помоги мне набрать ванну, я хочу помыться.

Он сосредоточенно снимал одежду, не обращая внимания на Цинь Цана.

Цинь Цан фыркнул и встал:

— Эгоист!

Направляясь в ванную, он бросил это с лёгкой обидой.

Когда он вернулся, Вэнь Цзыцянь уже разделся догола и ждал его в халате.

Тело Вэнь Цзыцяня не было сексуальным — бледное и худое, с ужасными шрамами на спине. Мышцы ног атрофировались, стали дряблыми. Колени и лодыжки выделялись из-за отсутствия жировой прослойки, ступни были повернуты внутрь, а своды стоп деформировались.

Но Цинь Цан видел не бледность и болезненность. Он замечал изящные ключицы, светло-коричневые соски на груди и едва заметный член между бёдер.

У Цинь Цана чуть не пошла носом кровь. Когда он нёс Вэнь Цзыцяня в ванную, его нижняя часть тела напряглась до боли, упираясь в ягодицы Вэнь Цзыцяня. К счастью, тот ничего не чувствовал.

Пока Вэнь Цзыцянь мылся, Цинь Цан, словно извращенец, подсматривал за его телом через щель в двери, мастурбируя.

Вэнь Цзыцянь сидел на антискользящем стуле, спиной к нему, опираясь правой рукой на поручень на стене, наклоняясь, чтобы нанести шампунь. Линия его талии была особенно изящной, и, если бы не огромный шрам на спине, он был бы весьма привлекателен.

Цинь Цан знал, что тому трудно поворачиваться, и беззастенчиво разглядывал его фигуру, представляя, как прижимает это тело к себе, и в конце концов довёл себя до оргазма.

Семя брызнуло на бумагу, немного попало на пол. Он опустился на колени, убирая беспорядок, и случайно издал шум.

Вэнь Цзыцянь, откинув мокрые волосы назад, сказал:

— Почему бы тебе не пойти посмотреть телевизор? Я позову тебя, когда закончу.

Цинь Цан, охваченный страстью, с хриплым голосом спросил:

— Цзыцянь... Мы будем вместе... всю жизнь, правда?

Вэнь Цзыцянь остановился. Вода стекала с его головы, попадая в глаза, вызывая лёгкое жжение.

— Цинь Цан... Мы будем лучшими друзьями всю жизнь... Но... Мы не сможем быть вместе всегда... Ты рано или поздно женишься, заведёшь детей... И я надеюсь, что это случится как можно скорее...

Вэнь Цзыцянь приказал секретарю отправить подарки нескольким «больным» старикам, а сам позвонил, чтобы лицемерно поинтересоваться их здоровьем.

А-Бинь вернулся с докладом:

— Пань Фану просто жаль не стать актёром. Когда я пришёл, он лежал в постели, едва дышал, даже говорить не мог.

Вэнь Цзыцянь, подписывая документы, усмехнулся:

— Если бы он умер пораньше, я бы подарил ему хрустальный гроб.

А-Бинь засмеялся:

— И мне тоже подари.

Вэнь Цзыцянь поднял голову, нахмутив брови:

— Что за глупости? Тебе мало здоровья?

А-Бинь смущённо ответил:

— Я просто пошутил.

— Пошутил? — Вэнь Цзыцянь сказал серьёзно, с суровым выражением лица. — Шутки тоже не стоит шутить. Жизнь длинная, и кто знает, что случится? Лучше не говорить таких неблагоприятных вещей, понял?

А-Бинь подумал, что сам виноват — знал, что Вэнь Цзыцянь не любит такие шутки, но всё равно не удержался.

Вэнь Цзыцянь взглянул на него, видя смущение, и смягчил тон, продолжая просматривать документы:

— Кузен, я знаю, что у меня сложный характер, и тебе приходится нелегко. Спасибо, что терпишь меня все эти годы.

А-Бинь, услышав обращение «кузен», был поражён и ответил:

— Да что ты, я получаю достойную зарплату.

Вэнь Цзыцянь улыбнулся, не поднимая головы, и продолжил:

— До девятнадцати лет я никогда не думал, что моя жизнь станет такой. Я тоже говорил много глупостей... Но после травмы понял, что всё, к чему я стремился, на самом деле не имеет значения. Сколько бы денег ни было, здоровье важнее.

А-Бинь не знал, что ответить, и просто промямлил:

— Это точно, это точно.

Вэнь Цзыцянь поднял на него взгляд и улыбнулся:

— Я тебе завидую.

— Мне, простому работяге, завидовать нечему, — смущённо ответил А-Бинь.

<http://bllate.org/book/16224/1457420>